

СДЕЛКА

О.ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Сделка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336822

SelfPub; 2024

Аннотация

Молодая женщина заключает сделку с одной сущностью. Ей всего-то нужно помочь раненному рыцарю добраться до лекаря. Пустяки, зато какая награда. Но все как обычно пошло не так. То ли сущность преуменьшила существующие проблемы, то ли женщина что-то неправильно поняла, но оказалось, что прежде чем куда-то дойти, нужно элементарно выжить. Да и рыцарь какой-то странный попался.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

О.Шеллина (shellina)

Сделка

Пролог

Иногда меня посещают странные мысли: зачем мы рождаемся на этот свет? Ведь в конце всех нас ждет одно: участок земли размером два на два, дорогой (или не очень) гроб и толпа людей, идущих за ним. При этом, чем дальше скорбящий находится в толпе от непосредственного виновника данных печальных событий, тем менее скорбящим он выглядит, а если прислушаться, о чем эти скорбящие говорят между собой, то вы вряд ли услышите в их словах хоть одно упоминание о покойном.

Давайте начистоту: многим из них совершенно наплевать на того, кто находится сейчас в своем последнем убежище. Они идут просто потому, что так надо, так принято. А кто и зачем это принял, никого особо не волнует. Просто жил себе человек, жил, и... всё... Но проводить его в последний путь – это традиция, соблюдающаяся неукоснительно.

Что ещё принято на подобных мероприятиях? Ах, да. Несколько пластмассовых цветов или венков, да мысли о скорых поминках, на которых есть что выпить и чем закусить.

Люди подходят к родственникам ушедшего и выражают сочувствие совершенно равнодушными голосами, даже не стараясь делать вид, что им не все равно.

Мне в этом плане повезло. Я не видела, как хоронили Сережу. Ко мне не подходили с фальшивым сочувствием на лицах, а то и без сочувствия. Я не сидела целую ночь возле открытого гроба, и не падала в обморок на кладбище от эмоционального шока, помноженного на эмоциональный коллапс. Я в это время лежала в палате интенсивной терапии в больнице, где уже без малого восемь лет работала терапевтом, в так называемом ПИТе, и совершенно не старалась помогать моим коллегам вытаскивать меня с того света, потому что эмоциональный коллапс все же присутствовал.

А людям, как всегда, было наплевать. Похоронили молодого, здорового мужчину, которому не исполнилось ещё и тридцати, и – забыли. И ничего не произошло: солнце все так же всходило на востоке, а ночью можно было увидеть луну в самых ее различных фазах, ведь что такое жизнь одного единственного человека в масштабах вселенной? Ничего. Для всех ничего, кроме, разве что меня.

Только сочувственные взгляды Димки заставляли меня рыдать по ночам в подушку и ухудшать мои показатели, и без того неважные. Только вот Димке тоже было наплевать на Сережу. Он его совсем не знал, чего же беспокоиться о совершенно постороннем человеке? Но его понять можно, если бы он о каждом своем покойнике переживал, то давно

бы уже свихнулся.

Димка – одноклассник, большой умница и просто хороший человек, ставший, после окончания университета, реаниматологом, зачем-то вытащил меня с того света. Меня смог, а вот Серёжу – нет. Собственно, он Сережу и не спасал, спасать было некого, мой муж погиб сразу. Из покорёженной машины спасатели вытащили уже труп. Так что Сережу Димка спасти не мог. И нашего так и не родившегося сына тоже не мог, все-таки он врач, а не Бог. Его же и послали наши хирурги сообщить мне новость, что детей у меня больше не будет. Никогда.

После аварии я провела в больнице два месяца. Провела бы меньше – послеоперационные швы практически не беспокоили, но друг не хотел меня отпускать, придумывая все новые и новые симптомы и тщательно записывая их в историю болезни, чтобы оправдать мое нахождение в родной больнице и не подставиться перед каким-нибудь очередным проверяющим.

Через два месяца Димка всё же согласился выписать меня домой, потому что ему до смерти надоело мое нытье про то, что я до смерти устала здесь находиться, а дома, как многие говорят, и стены лечат. Правда, видно было, какие чудовищные сомнения его терзают. Перед самой выпиской он подвёл меня к зеркалу в ординаторской и заставил внимательно рассмотреть себя.

– Смотри, куда отворачиваешься? Что ты видишь? Мол-

чишь? Так я отвечаю. Ты видишь тень той молодой энергичной женщины, которой ты была ещё два месяца назад. Ты почему ничего не ешь? И даже не вздумай мне врать – Наташка тебя сдала с потрохами, – мой друг все больше и больше заводился, а я молчала и задумчиво разглядывала себя в зеркале. Впалые щёки, бледная, почти прозрачная кожа, тусклые волосы непонятного цвета, лихорадочный блеск в глазах, м-да, красота – страшная сила. А похудела я до такой степени, что халат, который притащил мне Димка из дома, был обмотан вокруг меня на два оборота. «Можно в фильмах ужасов вампиршу, умирающую от гемоглобиновой недостаточности, играть, и даже грим не понадобится», – как-то отстранённо думала я, пытаюсь удержаться на ногах. Слабость была такая, что хотелось сесть прямо на пол и никогда с него не вставать.

– Дим, отпусти меня домой, пожалуйста, – прошептала я. Голос тоже претерпел изменения, стал каким-то каркающим, бьющим по ушам даже мне самой. Последствия длительной интубации, когда я заново училась самостоятельно дышать, но сначала мне это сделать не удавалось.

– Хорошо, иди. Иди, и в ближайшее время не смей мне на глаза попадаться, пока с десятков килограмм не наберёшь, – Димка развернулся и вышел из ординаторской, громко хлопнув дверью.

Я опустилась на продавленный диван, на котором коротали ночь дежурные хирурги.

– Не увидишь, Дим. Скорее всего, не увидишь, – пробормотала я и, с трудом поднявшись, вытащила из шкафа свои вещи и начала одеваться.

Джинсы сваливались. Мне пришлось вытащить ремень из Димкиных штанов, висящих здесь же в шкафу, и перепоясаться им. Слишком поздно я увидела, что на ремне висела поясная сумка, то-то ремень не хотел вытаскиваться с одной стороны, но сил снимать её у меня не было. Приедет и заберёт, а ключи от машины он всё равно в кармане носит. Свитер висел на мне как саван, а в дублёнку можно было ещё парочку таких же запихнуть.

Одевшись, я некоторое время сидела на диване, пытаюсь справиться с одышкой. Когда дыхание выровнялось, а я почувствовала, что уже вспотела, сидя в тёплом помещении в дубленке, то встала и отправилась домой.

Каким образом я оказалась в своей квартире точно не помню, вроде бы, вызвала такси. Благо, в кармане лежали какие-то деньги, которых хватило, чтобы расплатиться с водителем.

Сняв дублёнку и сапоги – просто кинув их на пол – я кое-как доползла до дивана и, свернувшись калачиком, задремала.

Я вновь была в машине, и Серёжа, живой, сидел за рулем и что-то весело говорил мне. А потом... Яркий свет ослепивших нас фар несущегося навстречу грузовика, складывающийся на скользкой дороге прицеп, удар и боль. Боль не

только во всем теле, но и, как мне казалось, в душе.

Проснувшись вся в поту и с колотящимся сердцем, я внезапно поняла, что дальше так продолжаться не может. Держась за стену, я прошла в кухню, где в специальном шкафчике хранились кое-какие лекарства.

Вытащила бутылочку с транквилизатором. Вытряхнув на ладонь одну таблетку, я довольно долго на неё смотрела, затем просто высыпала содержимое бутылочки в рот, и запила получившуюся отраву стаканом воды.

Пройдя в комнату, снова легла на диван. Глаза уже слипались.

– Скоро я с вами встречусь, родные мои, – прошептала я в пустоту. Последней мыслью было: только бы Димка не успел.

Глава 1

Ольга

Я пришла в себя, услышав чье-то раздражающее бормотание:

– Никому нельзя доверять, вот никому. Я кого просил? Я просил врача, я просил хирурга, погибшего в своем мире по нелепой случайности, сильного, здорового, желательно владеющего какими-либо боевыми искусствами и обладающего зачатками магических способностей. А мне кого прислали? Кого прислали, я спрашиваю? Экзальтированную полудухлую дамочку, наглотавшуюся таблеток после первого же мало-мальски серьезного испытания в своей никчемной жизни! Совершенно не одаренную! И что мне теперь делать? Что делать, я спрашиваю?

Я приоткрыла глаза и увидела, что нахожусь в... нигде? Пустота, настолько плотная, что казалась осязаемой, окружала меня со всех сторон. Я лежала на диване, который стоял... висел... в общем, он был в этой пустоте.

– Матрица, перезагрузка, – пробормотала я в пустоту. – Эй, Морфиус, выходи, я проснулась.

– Я не Морфиус. Никогда не слышал даже столь дурацкого имени, – какой-то странный тип, одетый в полосатый халат, сквозь слегка разошедшиеся полы которого была вид-

на часть рыхлой волосатой груди, сидел за столом, парящим прямо в центре этого «Нигде», в котором я оказалась, и сокрушённо качал головой, посматривая при этом на меня.

Так, понятно: Димка все-таки успел, и я нахожусь в знакомой до боли интенсивке в коме, с вызванными передозировкой транков галлюцинациями. Хотя нет, я же транками травилась, значит, галлюцинации – это последствия, не слишком приятные, надо сказать.

Здорово, ничего не скажешь. Мало того, что мне вдруг сильно, прямо до золотистых звёздочек в глазах, захотелось жить, так ведь ещё придется пережить бурю в лице Димки, который меня сейчас вылечит, выходит, а потом своими же руками удавит, так ещё и длительных бесед с психиатром не избежать. А от них снова захочется травануться или повеситься. На любителя, как говорится. И конечно же, согласно протокола, как только мое состояние Диман нехотя признает не жизнеугрожающим, я сменю свое место жительства на другую больничку со стильными рубашечками, мягкими стенами, и здоровенными санитарями с очень добрыми глазами. Вот гадство-то какое.

Всё то время, которое я провела в размышлениях, я внимательно разглядывала собственную галлюцинацию, а она – галлюцинация, то есть – разглядывала меня.

– Очнулась? – проворчал на вид вполне материальный глюк. – Тогда скажи, что мне с тобой теперь делать?

– Ничего со мной делать не нужно. Зачем со мной что-то

делать?

– А вот не получится. Что-то с тобой сделать всё-таки нужно, иначе нехорошо получится, совсем нехорошо, а оно нам надо, чтобы нехорошо? – я отрицательно помотала головой. Глюк вздохнул и продолжил. – Ты хоть врач? – с каким-то сомнением в голосе спросил он меня.

– Врач, – честно призналась я. – А что, это так важно?

– Важно. Было бы не важно, не спрашивал бы, – вздохнув еще горестней, сказал глюк.

– А зачем вам врач? Вы что, болеете?

– Нет, я вообще никогда не болею. Разве я похож на больного?

– Ну, как вам сказать, – протянула я. – Как говорится, не больных не бывает, бывают недообследованные.

– Тьфу на тебя, – почему-то обиделся глюк. – Не надо меня обследовать! А врач не мне нужен. Врач нужен одному парню, просто позарез как нужен.

– Ну, так «скорую» вызовите, и будут вам врачи любой специализации, если повезёт, конечно.

– А что, может не повести? – глюк явно развеселился после моих слов.

– Всякое случается, – осторожно ответила я.

– Там, где сейчас этот парень находится, в принципе нет никаких «скорох», – с явной неохотой после короткого молчания произнес глюк. – Есть маги-целители, но он до них не доберётся, потому что буквально через пару часов отбросит

коньки.

– Ага, маги значит, – я хихикнула. Если выкарабкаюсь, никогда больше сказки в руки не возьму. А ведь раньше я ими просто зачитывалась. – А парень у нас кто? Эльфийский владыка? Дроу, претендующий на смещение матриархата и мечтающий воцариться в подземном царстве? Или, может быть, симпатичный вампир, или принц на белом коне – куда уж без коняшки-то? Ну ладно, ладно, на худой конец маг... нет-нет, архимаг, который просто попал в странные жизненные обстоятельства и не может самостоятельно, не прибегая к помощи коллег, вылечить банальный насморк...

– Это человек! – прервал меня глюк. – Просто человек. Ну, не совсем просто, конечно, стал бы я из-за совсем обычного парня такие комбинации выстраивать, такими интригами заниматься... Короче – это герцог Фарли, внебрачный сын короля Георга третьего Кситионского, ныне покойного. И арбалетный болт в груди – это далеко не простуда! – сорвался на крик этот странный глюк. Интересно, а если я поинтересуюсь у собственной галлюцинаций, кто он вообще такой, мне ответят?

– А-а-а, арбалетный болт значит. Тогда вам хирург нужен, я-то здесь причём? – я пожала плечами и, не удержавшись, хихикнула. Разговор с собственным глюком был настолько забавным, что я даже пожелала, чтобы Димка меня подольше вытаскивал.

– Так я и просил хирурга! Молодого, сильного...

– Да-да, я это уже слышала: супермачо, с катаной в зубах и десятым даном, ну и потенциального мага, конечно же, а прислали меня.

– Я что не мог раз в жизни попросить прислать мне лучшего? Хотя, с другой стороны, ты же врач? Врач. Значит, ты подойдёшь. Времени всё равно почти не осталось. Фарли совсем плохой, скоро умирать начнет, и ему тогда никто уже не поможет. Так что, собирайся, выдвигаешься.

– Эй, я не согласна никуда идти. Вам хирург нужен, а я терапевт, – вот еще. Даже находясь в коме, в порожденном собственным больным разумом наваждении, я не собиралась иметь ничего общего с ранами: хоть от болтов, хоть от пулеметов. Мне оно надо? От возмущения я даже соскочила с дивана и изумленно посмотрела под ноги. Интересное ощущение, я словно стояла на земле в окружении очень плотного тумана.

– А какая разница? Не психиатр, и ладно. – Глюк вскочил из-за стола и подбежал ко мне.

– Как это какая разница? – я возмущенно скрестила руки на груди. – Хирурги, они руками работают, чаще всего по принципу: нет органа – нет проблем, – а мы, терапевты, больше по таблеточкам.

– Сказала мне женщина, отравившаяся насмерть, – хихикнул глюк.

– Почему насмерть? Я же сейчас в реанимации лежу, а надо мной Димка колдует, а в соседнем кабинете ждет своей

очереди, потирая руки только что отвергнутый вами психиатр.

– Ты сейчас в гробу лежишь, а Димка над твоим телом вздыхает. Вот кого я бы не отказался заполучить, так это Дмитрия Михайловича, – глюк мечтательно вздохнул, а я сидела и хлопала глазами.

Как в гробу? Я что, умерла? Вот так вот взяла и умерла? Почему-то я ему поверила. Слишком уж реалистичной была эта галлюцинация. Хотя, что я знаю о галлюцинациях? Только то, что говорили нам профессора на психиатрии, а они, если честно, мало чем от своих пациентов отличались, особенно, если стаж работы большой.

– Но... Если там я в гробу, то как тогда я здесь? – я провела руками вдоль своего худого тела, убедившись, что оно вполне осязаемое и ничем не напоминает бестелесный дух.

– Ха, ты что думаешь, я тебе сейчас брошусь про материальность энергетических сущностей, коей является душа, объяснять? А больше ты ничего не хочешь?

– Нет, не хочу, – я покачала головой. – Ладно, допустим. Допустим, что я умерла. Допустим. А вы тогда кто?

– Я – Бог! Не ваш, правда, из соседней реальности. Просил ваших богов с одним единственным человечком мне помочь, так вот, помогли, тебя подсунули, – он вздохнул и печально хлопнул носом.

Я скептически рассматривала полосатый халат, волосатую грудь, и вообще этого пухлого индивида, один в один похо-

жего на Илью Ильича.

– Что-то не похож, – наконец выдала я резюме, чувствуя, что нахожусь в некоей прострации от осознания собственной смерти.

– Какой есть, – огрызнулся этот, то ли бог, то ли глюк. – И вообще, почему ты разговариваешь в таком тоне с божественной сущностью?

– А мне есть что терять? – я пожала плечами, на меня начала наваливаться апатия. – Хотя, есть: отправь меня обратно, в эту как её... в мою собственную реальность.

– Не могу, у меня договор. Да и зачем это тебе? Там ты умерла, а здесь, в этой реальности, ты ещё и пожить можешь.

– Правда нелегко и недолго. Нет, я не для того травилась, чтобы на том свете оказавшись, бежать и кого-то начинать спасать, причем еще очень сомнительно, смогу ли я это сделать. Так что мне плевать на все ваши договоры: я к мужу хочу и к сыну, которого никогда не видела.

– А как же клятва? Ты же, вроде, клятву давала, помогать страждущим.

– При жизни, – отрезала я. – А еще в этой клятве было такое ма-а-аленкое уточнение, которое гласило: «Не навреди». А я не хирург, так что вытаскивая арбалетный болт, вполне могу стать клятвопреступницей.

– А еще пять минут назад жить хотела. М-да, вот угробишь парнишку, как есть угробишь, – глюкобог вздохнул. – Ну давай сделку заключим, что ли. Вы там любите все услож-

нять и на взаимовыгодных условиях работать. Ты делаешь всё, что в твоих силах, чтобы парень выжил – просто выжил, большего я от тебя не требую, и проследишь, чтобы он добрался до мага-целителя, который его приведет в норму. В общем-то, всё. Свободна. Можешь его даже на пороге дома мага бросить и катиться на все четыре стороны, даже снова счеты с жизнью начать сводить, мне уже всё равно будет. Но предупреждаю, посмертие тебя ждет только здесь, в моей реальности.

– Если я сделаю, то, что вы просите, что я получу взамен? – мой каркающий голос всё ещё резал слух. – Мы же сделку все-таки заключаем.

– Просто пообещать, что ты будешь жить, пусть и в другой реальности, не получится? – я неопределённо пожала плечами. – Да, собственно кому я это предлагаю? Самоубийце. Хорошо, главной причиной, почему ты всякой дряни наглоталась, была ведь не скорбь по мужу? Вдов много, если бы каждая с собой кончала, во всех реальностях была бы катастрофическая нехватка женского населения, – бог задумчиво тербил пояс на своем халате. – Значит, дело в другом. О! В общем, так. Если ты справишься со своей частью договора, то я обязуюсь сделать всё, что будет в моих силах, чтобы ты снова смогла стать полноценной женщиной. Смогла забеременеть и родить. Мужика не предлагаю, сама найдешь. Хотя, для тебя это будет сделать проблематично, – бог осмотрел меня с ног до головы, – но извращенцев во всех реальностях

хватает. Ну как, пойдёт? Ты пытаешься спасти парнишку: ну там кровь остановить, ещё что-нибудь сделать – тебе виднее, ты же врач. Помогаешь добраться ему до целителя и идешь, куда пожелаешь, устраивать свою личную жизнь. Договорились?

Я стояла и довольно долго, разглядывая свои руки. Какие они стали худые, одни кости. Ногти обломанные, надо бы маникюр сделать, а то так и до панариция недалеко. Действительно, я и в более хорошие времена не могла похвастаться огромным успехом у мужчин, а сейчас вообще тоска.

Но, кто сказал, что мне нужно замуж выходить? Никто. А бог прав: извращенцев во всяких реальностях хватает. В крайнем случае, я абсолютно точно уверена, что во всех реальностях существует водка, которая может резко повышать градус привлекательности кого угодно. Я невесело усмехнулась.

– Только проследить, чтобы этот ваш герцог не помер, и помочь ему добраться до обитаемых мест? – я решила уточнить свою часть сделки.

– Не просто до обитаемых мест, а до целителя. А так да, всё верно. Всё равно от тебя больше толку нет никакого.

– А что, будут какие-нибудь бонусы? Ну, там магический или еще какой-нибудь дар?

– Ишь, чего захотела. Конечно же нет. Только то, что у тебя есть, и всё.

– Одежду хоть какую-нибудь дашь? – я с какой-то брезг-

ливостью смотрела на джинсы, всё ещё перетянутые Димкиным ремнём, серый свитер, ноги, обутое только в носки. В общем, на все то, в чем я уснула, чтобы больше не проснуться в своей реальности.

– Нет. Я что, похож на владельца модного бутика?

Я хмыкнула. Вообще-то этот бог был похож на профессионального бездельника.

– Ну, хоть что-нибудь. Знание языка, например. Как я с твоим парнишкой буду объясняться? На пальцах?

– Это, да. Это дам. А то и правда нехорошо получится.

– Хоть вылечи меня, что ли? А то, как я, по-твоему, буду парня этого тащить, а его придется на себе тащить, если ты про болт не придумал, когда сама через шаг задыхаюсь? – я решила, что вот конкретно этот бог не заслуживает вежливого обращения.

– Обойдешься, – рявкнул он. – Кто вообще виноват в том, что ты себя до такого убожества довела? Я, что ли? Почему я тогда должен тебя чинить? Я только одну деталь починю. Когда ты свою часть договора исполнишь.

– Обувь хоть дай, жлоб.

– На месте что-нибудь раздобудешь. И вообще, время-то идет, и с каждой минутой тебе всё труднее и труднее будет выполнить свою часть нашего договора.

– Ну, хорошо. Наверное, это будет любопытно и...

Я не успела произнести окончание фразы, потому что у меня вдруг потемнело в глазах, и в следующий момент я ока-

залась на полянке в каком-то лесу.

Опершись на пень спиной, на поляне сидел... рыцарь?

Он был облачен в огромную грудку железа и, судя по всему, пребывал без сознания. Из груди рыцаря в каких-то миллиметрах от предполагаемой правой границы сердца торчало что-то оперённое.

Приехали. Я в реальности со всеми атрибутами рассказа в стиле фэнтези: махровое средневековое с закованными в железо мужчинами и конями, а я практически босиком и в джинсах.

Но договор есть договор, и мне уже пора бы приступить к выполнению своей части. А как это сделать? Для того чтобы элементарно понять, что вообще происходит с этим рыцарем, нужно было снять с него весь этот металлолом.

Я истерично хихикнула. По идее, я где-то читала, что все детали доспеха связаны между собой кожаными ремнями. Теоретически. Значит, нужно их найти и чем-то перерезать. Раз это рыцарь, то у него просто обязан быть меч, но это в идеале, хотя, какой-нибудь завалящий нож, тоже может существенно облегчить мне задачу. Ну что ж, приступим. Вздыхнув, я сделала шаг в его направлении.

Артур

Сегодня я понял одну вещь. Я хочу стать королем и показать Бэртхому, что он не ошибался на мой счёт. Когда умер отец, я просто уехал в свой замок, не дожидаясь церемонии коронации моего так называемого брата. Мне всего лишь хо-

телось побыть одному. Почему я не взял с собой отряд своих воинов, непонятно даже мне. Видимо, скорбь от потери отца затмила мне разум.

Я не понимаю, почему Бэрт так со мной обошёлся. Я же практически открыто признал его право на трон как законного наследника. Я никогда не стал оспаривать бы у него это право, никогда.

Но Бэрт решил иначе. Он думал, что я отправился в имение, чтобы призвать своих вассалов и начать заключать союзы с соседями. Чтобы через недолгое время, подняв знамена бунта, узурпировать трон, лишив его короны и головы и не обязательно в этой последовательности. Именно поэтому Бэрт нанёс удар первым, застав меня врасплах и всадив мне в грудь арбалетный болт, который придворный маг напоил силой, сделав его способным пробить даже заговорённый доспех. Этим же магом и заговорённый. Какая ирония.

Всё это Бэртхом рассказал мне в то время, пока я ещё находился в сознании. При этом он тщательно укладывал всю мою поклажу на коня, которого увел с собой – видимо, чтобы не оставлять никаких следов. Он даже не поленился и снял все более-менее ценное с моего тела, включая кинжал в ножнах и кошель с империалами.

А вот дожидаться моей кончины он не стал. Как не стал озабочивать себя моими похоронами. О моем теле он не беспокоился. В этих лесах достаточно падальщиков и различной нечисти, чтобы от меня не осталось даже воспоминаний,

а те немногие, кто доберется до моего тела первыми, будут несколько минут счастливы от роскошного королевского подарка. Но я был ещё жив, когда этот ублюдок уезжал!

Некоторое время я с нарастающим беспокойством ждал темноты, когда все ночные хищники набросятся на меня, привлеченные запахом крови. Самым страшным было остаться при этом ещё живым. Ещё страшнее – находиться в это время в сознании.

Я знаю, что у меня не получится умереть так, как достойно мужчине. Меня не учили этому. Принцы крови никогда не бывают зеркалом рыцарства, никогда. И вот теперь я чертовски боюсь опозориться даже перед теми тварями, которые будут меня пожирать. Все-таки странные мысли приходят в голову перед смертью.

Я не помню момента, когда стал молиться. Я молился, чтобы Бог послал мне избавление позора в виде быстрой смерти, или, если моя смерть ему неужодна, просил прислать хоть какую-то помощь. При этом я клялся, что если я все-таки выживу, то Бэрт получит тот мятеж, которого он так опасался.

Не знаю, сколько прошло времени до того момента, пока я не провалился в спасительное беспамятство. Не знаю, дошли ли мои молитвы до той высшей инстанции, к которой я взывал. Не знаю. Меня окружила спасительная темнота, в которой не было ни боли, ни страха.

В себя я пришёл от того, что кто-то попытался перевер-

нуть моё тело, тем самым снова разбудив практически утихшую боль в груди. Я напрягся, решив, что пришли ожидаемые мною хищники, но боль не усиливалась, и не появлялась в других частях тела помимо груди. Тогда до моего сознания дошло, что хищники не стали бы осторожничать, выковыривая меня из доспехов, и совершенно точно не стали бы тихо ругаться себе под нос.

– Да что же ты за рыцарь такой недоделанный – даже нормального ножика у тебя нет. И ненормального тоже нет. Вообще нет никакого ножика! И как мне с тебя этот самовар снять? Твою мать.

Я понял, что это или просимая мною «хоть какая-то» помощь, или мародёр, которого какой-то гoblin занес в эти леса. И тут я попал в тупик: если это помощь, то почему такая ущербная? Неужели я не заслужил большего? А если это мародёр, то почему он старается лишний раз меня не трясти, словно боясь причинить еще больший вред?

Я решил хоть однажды в своей жизни побыть оптимистом и принять этого странного человека за вымаливаемую мною помощь. Вероятно, его слова о каком-то «самоваре» относятся к моему доспеху. Почему-то я решил, что если этот человек будет знать больше о моей амуниции, то это поможет ему снять её с меня. Возможно даже, что у него имеется какой-нибудь артефакт исцеления, тогда точно нужно ему помочь добраться до моей раны.

Собрав в кулак остатки своих сил, я прошептал:

– Это не самовар, это пластинчатый готический доспех.

В ответ я услышал задумчивый, глухой, словно простуженный голос, который произнес:

– Да мне фиолетово, я всё равно во всем этом железе ни черта не понимаю. Но это хорошо, что ты очнулся, постарайся не терять больше сознания, ладно? И не разговаривай. Если эта дрянь в легком, то ничего хорошего нас с тобой не ждёт. А сейчас давай мы с тебя шлем хотя бы стащим. Чтобы ты дышать более-менее мог. Это не должно быть очень уж сложно – я, по крайней мере, надеюсь на это.

Однако снять мой салат быстро не получилось. Неожиданный помощник возился довольно долго, прежде чем ему удалось это сделать. Когда шлем все же был снят, я, наконец, смог как следует разглядеть того, кто пришел ко мне на помощь. На меня смотрело существо неопределенного возраста и пола. В сумерках я не мог как следует рассмотреть лицо, но волосы у него были короткие, вот и все, что я сумел разглядеть, кроме того, что существо было очень худое и одетое хуже, чем нищий у главного храма.

А существо тем временем бормотало:

– Ну и как мне остальное снять? Черт. Может, у Димки что-нибудь завалилось? – и оно, открыв странного вида сумочку, висевшую на ремне, принялось вытряхивать её содержимое прямо на землю. Предметов оказалось не очень много. Какая-то коробочка, или что-то очень на неё похожее – я не мог разглядеть, потому что, вдобавок к стремительно

опускающейся на землю темноте, моё зрение странно двойлось, — что-то еще в яркой обёртке и ещё один предмет, увидев который, существо громко и радостно вскрикнуло:

— Да! Живем, герцог как-там—тебя.

Я всё ещё не понимал, кто находится передо мной: мальчишка-подросток или некто женского пола. А существо долго возилось, пытаюсь что-то сделать с предметом, выпавшим из сумочки последним. Наконец у него это получилось, и я смог разглядеть странного вида ножичек, который не был похож даже на столовый предмет, очень уж короткое лезвие у него было.

Затем существо принялось возиться с моими доспехами, пытаюсь, видимо, найти сочленения, скреплённые между собой кожаными ремешками. Ножик был на редкость острым, потому что, когда разрезался очередной ремешок, я почувствовал, что разрезалась еще и моя кожа. В эти моменты существо, видя кровь, негромко ругалось сквозь зубы. А потом меня как-то особенно неловко повернули и я, хвала небесам, снова потерял сознание.

Глава 2

Ольга

Этот... рыцарь! Короче, он снова отрубился. Мне почему-то захотелось заплакать. Пока он был в сознании, то хоть как-то помогал мне, старательно напрягая мышцы, в меру своих невеликих сил. Сейчас же он просто сидел как мешок с мукой, да ещё и завалиться на землю все время норовил, а у меня просто не было сил, чтобы одновременно и раздевать его, и удерживать от падения. В один прекрасный момент я плюнула, в фигуральном плане, естественно, на него и выпрямилась, позволив его телу развалиться так, как тому хотелось. Потерев ноющую поясницу, я несколько раз согнулась и разогнулась, потому что спина начала болеть, просто невообразимо.

– Ну что, старушка, вот и тебя радикулит скрутить пытается, только как же он не вовремя это делает, – я позволила себе немного поворчать вслух, все равно рыцарь, находясь в глубокой отключке, меня не слышит.

Чтобы хоть немного передохнуть и перевести дыхание, я принялась рассматривать своё «задание». Ничего особенного: коренастый, невысокий. Русые волосы – очень светлые, почти блондин. Цвет глаз я не успела рассмотреть, пока он был в сознании, сейчас же они были у него закрыты. Чер-

ты лица довольно тонкие, нос немного крупноват, на мой взгляд, но это, насколько я помню, считается «признаком породы».

Вообще, рыцарь был возмутительно молод. На вид ему было лет двадцать пять – двадцать семь. Значит, могло быть и меньше, в это время выросли рано. Я в свой неполный тридцатник, наверное, показалась ему старухой. Родись я в эпоху рыцарей в своей реальности, то сейчас нянчила бы уже внуков, если бы дожила до этого преклонного возраста, конечно.

Ладно, отдохнула, продолжим. Димкин складной ножик напомнил мне тесак – лезвие сантиметров пятнадцать, не меньше. По лезвию шла гравировка на английском языке. Зачем ему нужен был такой, да еще и в напоясной сумке? Что он им делал? Колбасу резал на природе? От хулиганов не отобьешься – слишком долго открывать, если только кидать в них, или как кастет использовать, я взвесила нож на руке – тяжелый, в качестве кастета вполне мог сойти.

Хотя, сейчас уже не важно, зачем Димка его таскал с собой. Значит, так было нужно. Склонившись над рыцарем, я продолжила процедуру раздевания. Добравшись до штук-вин, прикрывающих голени, я не удержалась и прокомментировала:

– А сейчас, элегантно движением мы превращаем эти металлические брюки в элегантные шорты. – Произнеся последнее слово, я отшвырнула в сторону очередную металли-

ческую хрень.

Сколько времени у меня заняло раздевание рыцаря, не скажу — очевидно, довольно много. Когда я в очередной раз остановилась, чтобы передохнуть, то истерично рассмеялась: это же просто интимная сцена — старушка, а для средневековья я все-таки была уже в приличном возрасте, оглушила молодого рыцаря в лесу, и теперь стремится, во что бы то ни стало, добраться до комиссарского тела.

Вечер постепенно переходил в ночь, становилось всё темнее, а это означало, что нужно было хотя бы развести костер и принести воды, благо у нас был шлем, вроде бы без дырок, и зажигалка.

Вообще, похоже, Димка носил в сумочке все самое дорогое: складной ножик, пачку сигарет, зажигалку и презерватив. Разносторонний у меня друг, ничего не скажешь. Вот что, он не мог засунуть сюда набор для интубации, десятка два препаратов и трепаноколоворот? Насколько бы эти вещи облегчили мне жизнь, а пила Джигли вообще превратила бы ее в сказку. А презерватив, на кой он мне нужен?

Сцена про старушку и рыцаря снова сама собой всплыла в голове, и я хихикнула. Хотя, в нашем хозяйстве всё пригодится, особенно, учитывая, что рыцарь мне нищий какой-то попался. Мало того, что не писанный красавец, так ещё и ножик Димкин приходится о его металлолом тупить. И где белая лошадка, а?

Уходить с полянки не хотелось, но стремительно прибли-

жающаяся ночь добавила мне решительности. Оставалось только надеяться, что все необходимое окажется в доступности пары десятков шагов, потому что заблудиться я могла просто на раз-два. И тогда точно все, привет Ромашке. Я встала и обратилась к валяющемуся в отключке телу:

– Ты только не уходи никуда, пока я хворост таскаю и воду ищу, – и, в очередной раз нервно хихикнув от такой откровенной глупости, я отправилась на поиски столь необходимых мне вещей, ругая себя последними словами за то, что не догадалась сделать это в то время, пока еще было светло.

Мне повезло. То ли бог попался мне не совсем уж гад, и решил все-таки чуть-чуть помочь, то ли место это было непопулярное для пикников – уж не знаю, но и ручеек, и сухие ветки нашлись довольно быстро. Большой проблемой было притащить хворост и воду на полянку. С частыми остановками, с трудом справляясь с одышкой, мне удалось сделать это нетрудное, казалось бы, дело, всего-то раза за три.

К концу своих поисков я порядком замёрзла и практически не чувствовала ног. То, что я ходила, точнее, ковыляла в одних носках, не добавляло мне ни скорости, ни тепла. А под конец я умудрилась ещё и в этот злосчастный ручеек наступить. Переодеть носки мне было не из чего, снимать их и сушить, не было времени, тем более, когда я, наконец, остановилась, ночь полностью накрыла и полянку, и рыцаря темным покрывалом. Я собственно и остановилась потому, что уже ни черта не видела: ни ручейка, ни веток под ногами.

Хвороста, натасканного мной, оказалось вполне достаточно для того, чтобы развести костер и поддерживать его всю ночь. Спать не хотелось — выпалась, похоже, на всю оставшуюся жизнь, да и рыцаря нужно было всё-таки раздеть и посмотреть на его рану, хотя все инстинкты мне просто вопили о том, что ничего хорошего я не увижу.

Ну, раздену я его, ну осмотрю рану, а дальше что? Местным подорожником буду проникающее ранение лечить? У меня даже ниток нет, чтобы заштопать этого рыцаря. И у него, кстати, тоже, хотя я точно помню, что читала о том, что рыцари таскали на себе, точнее не своих коняшках барахло на все случаи жизни. Но рыцарь мне попался даже без коняшки, так что, раздев его, мне придется разве что подуть на вавку, надеясь, что все само рассосется, с божьей помощью. Хотя на местного бога я бы не слишком рассчитывала. В конце концов, приняв решение действовать по мере необходимости, я приступила к решению очередной проблемой.

Следующей проблемой стало разведение костра и подвешивание над ним шлема, заполненного водой. Принцип-то я понимала, но выполнить...

Мне повезло вдвойне, а может, и в гораздо большем количестве раз: когда я в очередной раз обходила полянку по кругу (в лес я старалась далеко не заходить, так как страдаю географическим кретинизмом в самой запущенной стадии), я наткнулась на поваленное бурей дерево. Мало того, что оно было сухим, так ещё и вокруг валялось множество обломков,

вполне подошедших на роль дров.

Ко всему прочему, дерево было сплошь покрыто сухим мхом, что также не могло не радовать, ведь это только пионеры могут разжечь костер при помощи одной спички и без дополнительных приспособлений: типа сухого мха или сухой же бересты, а я пионером в свое время побывала очень недолго, и костры разжигать не научилась.

Но в той, другой реальности, частенько с друзьями и Серёжкой (сердце в очередной раз кольнуло) мы выезжали на шашлыки, так что я прекрасно видела, как мужчины разводят костры. Но оказалось, что видеть и делать самой – это не одно и то же.

Наконец, я смогла собой гордиться: у меня всё же получилось добыть огонь (при помощи бензиновой зажигалки, вычурной и безумно дорогой – небольшой презент, подаренный Димке какой-то вытащенной им с того света «шишкой»), а также развести костёр. Да ещё и поместить над костром воду в шлеме, зацепив его за ремешок и используя в качестве рогульки длинную изогнутую палку. Словами не передать мою радость и чувство гордости за себя.

Оставалось только перетащить рыцаря поближе к костру, в небольшой круг света, и, наконец, завершить начатое разведение. Перед тем как перейти к перетаскиванию, я еще раз осмотрела его, чтобы оценить шансы. Осмотр позволил мне немного расслабиться и прекратить сильно волноваться о навязанном мне спутнике.

Если я правильно всё оценила, то этот болт всё равно вытаскивать нельзя. Он закрывает собой дырку и не дает рыцарю истечь кровью. А стрела, похоже, все-таки в лёгком сидит. Тем более нельзя вытаскивать, но это зависит от того, проникает воздух в плевральную полость или нет. А чтобы это понять, мне нужно всё-таки увидеть рану. Все это было проще сказать, чем сделать. Какой-то замкнутый круг из трудновыполнимых последовательностей получается.

Перетаскивала я рыцаря, ориентируясь на свои внутренние часы, примерно с полчаса. И это если учитывать, что нужно было преодолеть метров пять, постоянно останавливаясь, чтобы восстановить дыхание и сердцебиение и матерясь сквозь стиснутые зубы. Почему я постоянно про себя называю его рыцарем? Тот бог ненормальный говорил, что он вроде бы целый герцог. Но почему-то практически мёртвое тело плохо ассоциировалось у меня с герцогом, а вот с раненым рыцарем – вполне.

Расположив полудохлого рыцаря у костра, я принялась стаскивать с него остаток доспеха. Осталось, в общем-то, не особо много, но это было самое сложное. Нагрудные пластины, с дыркой в центре. Наверное, мне повезло, в который раз, что убивали рыцаря именно арбалетным болтом, а не длинной стрелой. Во всяком случае, мне не нужно было ничего ломать и тревожить стрелу в ране. Болт пробил эту часть доспеха насквозь и не мешал мне стаскивать железо.

В свете костра рана выглядела как-то не очень. Но болт

вошёл в тело плотно, перекрыв выход крови наружу. Передо мной встала дилемма: убирать его или нет? Судя по всему, болт засел в правом лёгком, и было непонятно, просачивается атмосферный воздух в плевральную полость или все не так плохо, как кажется.

Я осмотрела имеющееся у меня имущество. Да, не густо. Допустим, на перевязки пойдёт не первой свежести рубаха, которую я, разрезав, стянула с рыцаря. Чтобы создать окклюзионную повязку, сгодится презерватив. Я нервно всхлипнула: какое расточительство. Ещё раз перевела взгляд на обнажённую грудь рыцаря и тихо заматерилась. Твою ж мать. Небольшая припухлость чуть в стороне от стрелы и вздувшиеся вены на шее не оставляли никаких сомнений – развивался пневмоторакс, к тому же клапанный. Вывод: болт придётся вынимать. А чем? Ножом? Просто класс. Но матерись – не матерись, а выхода у меня нет, и из колюще-режущих предметов есть только нож. Вздохнув и стараясь не думать о том, сколько ещё микробов занесу в рану, я сунула лезвие в огонь.

Когда я сделала первый разрез, чтобы добраться до болта, рыцарь застонал: он чувствовал боль даже, несмотря на то, что пребывал в глубокой отключке. Провозилась я довольно долго, мне было просто нечем подцепить этот проклятый болт, пришлось лезть в рану руками. А чтобы засунуть туда хотя бы один палец, даже такой тонкий как у меня, эту самую рану пришлось сделать еще больше.

Вытащенный кусок железа полетел в огонь. Теперь следовало хоть как-то отмыть рыцаря от крови, остановить её и перевязать рану. Примерно в такой последовательности, потому что, если не отмою, то просто не увижу, откуда кровь хлещет. Ах да, нужно было ещё молиться, чтобы рыцарь оказался крепким и не отдал концы к утру от болевого шока и кровопотери. Но молиться-то придется местному божеству, а значит, можно делать это до бесконечности.

Идти к ручью в темноте я не решилась, поэтому использовала почти всю воду, что была в шлеме. Кое-как очистив нож от крови, я снова сунула его в огонь, а пока нож накалялся, зажимала рану свёрнутой тряпкой. Так как у меня не было ничего, что позволило бы мне закрыть сосуды, даже иголки элементарной, то я просто прижгла рану, сунув в нее раскалённое лезвие, отправив при этом рыцаря в такой глубочайший нокаут, что даже сначала испугалась.

Появившийся в воздухе запах горелой плоти вызвал тошноту, но я справилась и приступила к перевязке.

Этому рыцарю очень сильно повезёт, если у него сепсис не разовьётся. А еще нам просто невероятно повезло, что сейчас в этой реальности лето и он, ко всему прочему, не замёрзнет, я на это надеюсь.

Очередная проблема состояла в том, чтобы закрыть рану презервативом. Кусок резины был скользким и никак не хотел разрезаться, чтобы увеличиться и накрыть рану целиком. Потом я долго возилась с бинтами, рубашка оказалась

хорошего качества и никак не хотела рваться. А сам процесс перевязки превратился в пытку: у меня не было помощника и нечем было зафиксировать резинку, поэтому эта скользкая дрянь все время пыталась соскользнуть со своего места, оставив рану без своей сомнительной защиты.

Я едва не расплакалась от облегчения, когда мне удалось сделать первый тур повязки, зафиксировав наконец этот проклятый презерватив.

Перевязанный рыцарь не хотел приходить в себя. Я его понимаю. С каким удовольствием я сама бы ненадолго отключилась, чтобы не вздрагивать от каждого шороха и не прислушиваться к шумному поверхностному дыханию раненого, гадая, будет ли вот конкретно этот вдох последним, или за ним последует следующий.

Где-то совсем близко раздался рык какого-то ночного хищника. Я, вздрогнув, придвинулась ближе к костру. Рыцарь продолжал изображать из себя труп, а никакого оружия, кроме Димкиного ножа, у меня не было. Оставалось только надеяться, что местные хищники боятся огня, как их собратья в моей реальности и предпочтут не лезть в круг, освещенный пламенем костра. Да, ночка предстояла веселая. А с другой стороны, рыцарь потерял столько крови, и вся она была разлита по этой полянке тонким слоем, что удивительно, почему здесь до сих пор не кишат желающие полакомиться свежей рыцарятинкой.

В какой-то момент я почувствовала чей-то взгляд, от ко-

торого волосы на моем затылке приподнялись, а затем слышалось приглушенное ворчание. Я развернулась, выставив перед собой нож, и тут же, завизжав, закрыла глаза.

Тварь, стоящая у границы света, чем-то напоминала нашу гиену, только с чудовищными клыками, огромными, как сабли, когтями и с какими-то шипами, идущими вдоль всего позвоночника. Да и по размерам она была побольше гиены, очень-очень побольше.

Почувствовав удар, я опрокинулась на спину, продолжая визжать, и стала ждать, когда все эти клыки, когти и наросты войдут в моё тело. Прошло достаточно много времени, прежде чем я поняла, что вроде бы все обошлось и ужинать мною сегодня не будут. К тому же я окончательно сорвала свой до конца не восстановившийся голос. Но давившая мне на грудь тяжесть заставляла всё сильнее зажмуриваться, а в голове вертелась подлая мыслишка о том, почему эта тварь напала именно на меня, ведь вон там недалеко такой вкусный рыцарь лежит, да и кровью свежей от него наверняка вкусно пахнет.

Наконец я решила приоткрыть один глаз. Прямо перед лицом я увидела оскаленную морду с уже остекленевшими глазами. Это незабываемое зрелище заставило меня снова зажмуриться и прямо так, с закрытыми глазами, попытаться выбраться из-под лежащей на мне твари.

Спихнуть с себя мертвую тушу было ещё труднее, чем перетаскивать рыцаря, особенно если учитывать то, что я

не решалась выпустить из рук рукоятку ножа, на который так удачно насадилась практически незащищенным брюхом тварь. Мой визг был, похоже, был громче воя умирающего животного, а общая слабость и панический страх каким-то невероятным образом заставили меня пропустить агонию твари. Как она меня всё-таки не порвала при этом – загадка века.

Когда мне всё же удалось выползти из-под тела, я поняла, что мой свитер безнадёжно разодран об наросты животного. Каким-то все еще бодрствующим участком своего измученного разума я отметила, что эти наросты нужно будет срезать. Но это утром. Надеюсь, что запах твари отпугнет других хищников. А там и рыцарь хоть ненадолго придет в себя (я очень сильно на это надеюсь), чтобы подсказать, куда же нам идти, чтобы дойти до целителя. Да и не мешало бы поинтересоваться – можно ли есть это животное. С этими мыслями я задремала, продолжая стискивать в руках, скорее всего, небольшой по здешним меркам складной ножик, что давало мне хоть какое-то призрачное чувство безопасности.

Артур

Я очнулся из-за того, что замерз. Боль в груди была терпимой, но меня мучили воспоминания о страшной боли, которая была до этого. Хотя, может быть, она мне приснилась?

Судя по ощущениям, мой неожиданный помощник снял с меня доспех полностью, но мягкие замшевые штаны, а также тяжелые кожаные ботинки всё ещё были на мне. А вот верх-

няя часть тела ощутимо замёрзла в предрассветной прохладе.

Осторожно скосив глаза на свою грудь, я увидел, что нахожусь в полуобнаженном виде. Не считать же за одежду те тряпки, которыми я был перевязан. А раз есть перевязка, значит, у моего помощника свитка исцеления с собой не было. Оставалось только надеяться, что он знал, что делал.

А ещё мне очень хотелось облегчить мочевой пузырь. Мне хотелось сгореть со стыда от осознания того, что в этом интимном деле мне понадобится помощь, ведь я так и не определился с полом этого странного существа, помогающего мне. Но испортить штаны было бы еще более унижительно, поэтому, пересилив себя, я решил попросить о помощи.

Постанывая и стараясь не тревожить лишний раз рану, я приподнялся на локтях и осмотрелся. Увиденная мною картина была настолько сюрреалистичной, что заставила распахнуть глаза пошире, и даже на какое-то мгновение забыть и о ранении, и о полном мочевом пузыре.

Женщина (на этот раз было абсолютно точно видно, что помогала мне женщина, так как изодранная странная вязаная рубаха практически не скрывала её принадлежность к противоположному полу), сидела и, что-то бормоча себе под нос, деловито отделяла костяные наросты бограза от тела. Причем самым удивительным было то, что ей удалось каким-то невероятным образом справиться с опаснейшим хищником Кситиона.

«Нет, – поправил я себя, – самым удивительным было именно то, что женщина умудрялась довольно профессионально отделять наросты, которые в любой лавке алхимика уйдут за десяток полновесных золотых империалов каждый. Очень уж нелегко было добыть их. Богразы почему-то не спешили расставаться с этими украшениями, и охотники часто гибли в неравном бою с тварью».

Вдруг она поежилась, словно почувствовав мой взгляд, подняла глаза и посмотрела на меня.

– О, очнулся. Ненадолго, скорее всего, но нам нужно за это время очень многое прояснить, – мне показалось или вчера она говорила как-то по-другому? Во всяком случае, не шептала – это точно. Я рассматривал свою помощницу и отмечал про себя, какая же она некрасивая. Слишком тощая, волосы короткие и тусклые. Даже цвет точно нельзя было определить. Глаза тоже какие-то странные, светлые, серо-голубые. У неё, что, нет денег, чтобы магу заплатить? Любой старшекурсник Академии быстро сделает её более привлекательной за пару империалов. А она тем временем продолжала: – Слушай, пока ты не ушёл в страну бреда от нарастающей лихорадки, ответь мне на несколько вопросов.

Я помотал головой и выдавил из себя:

– Мне нужно... помоги мне встать, мне нужно... – я замолчал, не зная, как выразить свою просьбу. Все-таки, несмотря ни на что, передо мною находилась женщина.

– Тебе в туалет нужно? – женщина встала и подошла ко

мне. – Это хорошо. А то я уже думала, чем тебя катетеризировать. – Я вздрогнул. Мне было незнакомо это слово, но почему-то ничего хорошего оно мне не внушало. – Давай попробуем встать, обопрись на меня. Все равно нам как-то двигаться нужно будет и чем быстрее, тем лучше, пока ты вообще в состоянии двигаться.

Она помогла мне подняться. Я еле стоял на ногах, сильно навалившись на неё. С трудом мы дошли до края поляны. Женщина наклонилась, протянула руки и начала стаскивать с меня штаны. Если бы во мне было хоть немного больше крови, то я наверняка бы стоял красный, как форма на гвардейце дворца. Заметив моё смятение, она прошептала:

– Да ты не смущайся. Я же врач, а врачи, когда дело касается больных, становятся бесполоыми. К тому же мне нужно видеть, сколько из тебя жидкости выйдет, чтобы хоть как-то работу почек оценить, так что делай своё дело и не обращай на меня внимания.

Это она хорошо сказала, про то, что я не должен обращать на нее внимания при выполнении такого интимного процесса, мне даже понравилось. Пока я облегался, она внимательно смотрела, что не добавляло мне душевного комфорта. Когда я закончил, она сосредоточенно кивнула и пробормотала: «Сойдёт, могло бы быть и хуже», после чего помогла мне снова натянуть штаны и оттащила к костру. Я в это время молча переваривал только что испытанное унижение.

– Эту штуку есть можно? – спросила она, показывая на

тушу хищника. Я кивнул. Она просияла и, схватив мой салат, куда-то умчалась – как оказалось впоследствии за водой.

Притащив воды, женщина выпилила своим ножичком несколько кусков мяса, и, бросив их в шлем, повесила его над огнём. Затем, недолго подумав, она отрезала еще несколько кусков и просто закопала их в угли, в том месте, где костёр почти уже догорел.

Затем она вернулась к своему прерванному занятию и продолжила извлекать наросты.

А я почувствовал, что меня стало слегка морозить. Значит, лихорадки не удастся избежать. Хорошо еще, что здесь поблизости находится небольшое поселение. Ну как поблизости: в дневном переходе от места моей последней остановки. Но учитывая мою рану, да и то, что женщина выглядит неважно, вряд ли мы сможем туда добраться. Остаётся только надеяться на то, что какой-нибудь охотник набредёт на нас и окажет помощь.

Чтобы хоть как-то бороться с подступающим беспамятством, я решил поговорить со своей помощницей.

– Как тебе это удаётся? Эти наросты не так уж и просто отделить.

– Нужно просто знать, где у них кнопка, – пожав плечами, произнесла женщина. – Я предполагала, что они все-таки соединены с позвоночником суставом, потому что были подвижны. Так оно и оказалось. Правда, я плохо представляю, зачем я здесь этой секцией занимаюсь. На вид они довольно

крепкие, могут пригодиться.

— К тому же, они довольно дорогие. Если быть точным, когда мы доберемся до обитаемых мест, пятью такими наростами можно расплатиться за всё. — Я недоуменно посмотрел на неё. Об этом же знают абсолютно все. Почему же она не знает, куда их применить? Да и вообще, похоже, она ничего не знает о боргазах.

— А, ну вот и нашлось объяснение моему странному занятию: не токмо ради дела, а корысти для. Это, видимо, мои спрятанные глубоко внутри еврейские корни проснулись и заставили заниматься этим довольно-таки тяжелым делом.

Я не понял практически ничего из ее речи, поэтому молча продолжил за ней наблюдать. Она завершила свою работу довольно быстро. Лихорадка усиливалась, и меня уже просто трясло. Женщина, куда-то ненадолго сбегав, вернулась, держа в чистых руках костяные наросты, с которых стекала вода. А, ну да, недалеко течёт ручей, я пил из него до того, как Бэрт... Так, нельзя сейчас думать о Бэрте. Самое главное сейчас — это выжить.

Женщина между тем отодвинула салат с похлебкой от огня, не снимая с палки. И даже несмотря на это умудрилась разлить половину. Пока бульон с кусками мяса остывал, она кое-как выкопала из углей полоски мяса, используя для этого длинную палку.

Выглядели они ужасно, но, по крайней мере, в таком виде мясо быстро не испортится. Ещё неизвестно, как долго мы

будем добираться до жилых мест.

Мяса в шлеме было мало, бульона тоже не так чтобы много, но нам хватило. Мне достался почти весь жуткий на вкус бульон. Мясо богразов не отличается особой изысканностью. Бульон был пресным, но зато не ядовитым и питательным. Когда я довольно выразительно скосился на кусок мяса, который женщина держала в руке, она хмыкнула:

– Тебе нежелательно пока есть твердую пищу. У тебя дырка в лёгком. По идее тебя и поить-то не нужно было, но тогда ты точно никуда не дойдёшь, – она внимательно посмотрела на меня, затем нахмурилась и, протянув руку, дотронулась до моего лба. Рука показалась мне просто волшебной прохладной и забирающей сильную головную боль, которая начала меня мучить в последние двадцать тактов. Когда она убрала руку, я хотел малодушно просить мою помощницу вернуть её обратно мне на лоб. Женщина тем временем встала и проговорила:

– Нужно идти, ты весь горишь. Очень скоро ты вообще не сможешь двигаться. Я сейчас, подожди минутку.

Я не понял, что такое минутка. Вообще в её речи то и дело проскальзывали непонятные словечки, а иногда и целые фразы. Странная женщина. Она же тем временем проковыляла по направлению к ручью, держа в руках мой салат. Почему-то именно сейчас я увидел, что она нездорова. Очень бледная, она часто останавливалась, чтобы перевести дыхание. Да, с такой помощью я далеко не уйду – это точно.

Неужели я так много грешил в своей жизни, что бог решил так пошутить надо мной перед смертью?

Она вернулась, неся вымытый салат, наполненный водой. Тщательно затушив костер, женщина засунула наросты бо-граза в шлем и, привязав к ремешку остатки моей рубашки, использовала получившуюся конструкцию как лямку, пере-кинув шлем через плечо. На поясе у неё висела давешняя сумочка. Нож, скорее всего, находился уже там. Подойдя ко мне, она помогла подняться, закинув мою руку себе на плечо. Несколько тактов мы стояли, приноравливаясь к такому непривычному для нас обоим положению, затем она, глубоко вздохнув, спросила:

– Куда идти?

Я смог махнуть рукой в нужную нам сторону, и мы дви-нулись по направлению к спасению.

Когда мы уже пересекли поляну и углубились в лес, она, не глядя на меня, задала очередной вопрос:

– Тебя как зовут-то?

– Артур, – это всё, на что хватило моих сил. Я не смог бы перечислить все свои титулы сейчас, даже под угрозой немедленной смерти.

– Ух ты, – она хихикнула, – меня тогда Гвиневра.

Красивое имя, хотя не подходит ей. Оно больше подошло бы какой-нибудь придворной красавице, а не этому непонят-ному существу. Это была последняя мысль, которая мельк-нула в моей голове. Я полностью сосредоточился на дороге,

стараясь вовремя переставлять ноги и не сильно наваливаться на эту странную женщину с чудным именем Гвиневра.

Глава 3

Ольга

Не знаю, сколько мы прошли – точнее, почти проползли. Подозреваю, что немного. Во всяком случае, лес почти никак не изменился, оставаясь густым и труднопроходимым. Деревья все были вполне узнаваемые: сосны подпирали небо, чуть подальше от них отвоевывали свое место осины, а кое-где мелькали белые бока березок. Бурелома было немного, и, если бы не обстоятельства, я, скорее всего, наслаждалась бы прогулкой по этому лесу, но...

Артур всё больше и больше наваливался на меня и, похоже, находился в полубессознательном состоянии. Он был настолько горячим, что я моментально вспотела. Обутые в одни носки ноги, наоборот, очень быстро промокли и замерзли.

Вдобавок ко всему у меня сильно разболелась голова – подозреваю, что из-за приторного запаха, часто встречающегося нам по пути растения, внешне напоминающего земной багульник. На такие мелочи, как одышка, я уже просто не обращала никакого внимания.

Вот что значит сугубо городской житель огромного мегаполиса – пять минут на природе и начинает ломать, появляется острое желание полежать под выхлопной трубой, кото-

рой здесь нет и еще долго, судя по рыцарю, не будет. Придется организму обломиться и начать приспосабливаться к свежему воздуху.

Время от времени рыцарь приходил в себя, но сил ему хватало только на то, чтобы обвести мутным взглядом окрестности и кивком показать, что бредём мы, вроде бы, в правильном направлении.

В какой-то момент я просто не выдержала и свалилась на землю под весом внезапно обмякшего тела, висевшего на моем далеко не крепком плече. Рыцарь, похоже, потерявший сознание, повалился прямо на меня. От инерции, возникшей при ударе, мы покатались по земле, оказывается, именно здесь начинался какой-то незамеченный мною уклон.

И вот на этой мажорной ноте мое везение закончилось. Я не видела этот овраг. Его край густо зарос аналогом земного папоротника. Уцепиться мне было не за что, да и подозреваю, что если бы я все-таки каким-то невероятным образом сумела за что-то уцепиться, то удержать себя и Артура вряд ли смогла бы, поэтому мы практически в обнимку скатились вниз.

Лежа на спине, я посмотрела наверх. Мне никогда не забраться туда, и уж тем более не втащить Артура. Это всё, это конец. Захотелось плакать. Я не стала сдерживаться, и по лицу покатались слёзы. Такой беспомощной я чувствовала себя только однажды, за секунду до страшного удара грузовика в нашу машину, из-за которого, если подумать, я здесь

и оказалась. Жалела я себя минут пять – затем разозлилась. Ну уж нет! Я пока ещё жива, а раз так, то нужно искать выход.

Я решительно поднялась. Если наверх не забраться, то нужно идти по дну оврага – может, где-то найду более пологий склон, по которому мы сможем вскарабкаться. Оставив Артура лежать на куче прошлогодней листвы, в которую мы так удачно упали, я подняла свой импровизированный рюкзак и побрела вперед. Одной найти подъем будет легче. В то время, когда на мне мешком висит рыцарь, я не могу смотреть по сторонам. Вон даже овраг не увидела.

Овраг был очень длинным. Скорее, это был даже не овраг, а трещина в земле, может быть, оставшаяся после давнего землетрясения, – кто знает. Я пробрела метров триста, но ничего похожего на пологий склон так и не увидела. В конце концов, я выдохлась настолько, что присела на кучу листвы, чтобы передохнуть. Нужно было ползти обратно за рыцарем и перетащить его куда-нибудь сюда, а затем снова уйти вперед, ища место, по которому мы сможем подняться.

С трудом поднявшись, даже не сдерживая злые слёзы, я пнула листву, на которой только что сидела, и вскрикнула. Это только со мной могло такое произойти, чтобы, только что, перебирая пальцами мягкую листву, я не заметила нечего, о которое сейчас ударилась незащищенной обувью ногой.

Наткнулась я на что-то твердое и в результате силь-

но ушибла пальцы многострадальной ноги. Подождав, пока боль хоть немного пройдёт, я опустилась на колени и принялась разгребать листву, чтобы найти этот предмет. Вдруг это что-то нужное? В нашем скудном хозяйстве пригодится всё что угодно.

Извлечённый из-под листвы предмет представлял собой странного вида жезл, сантиметров двадцать в длину, сделанный из какого-то серебристого материала. Он был не монолитный, а сборный, состоящий из двух разных частей: палки и навершия, соединённых между собой. Что это? Пожав плечами, я засунула эту странную находку за ремень и потащила назад, к рыцарю.

Он был в сознании. Приподнявшись на локтях, Артур напряженно следил за моим приближением. Тревога в его взгляде быстро сменялась явным облегчением. Наверное, он думал, что я его бросила. Убедившись, что я ему не привиделась, рыцарь с еле слышным стоном откинулся назад, и опять лёг на спину, закрыв глаза.

Я подошла к нему и плюхнулась рядом.

– Артур, нам нужно идти. Я буду тебя оставлять ненадолго, чтобы разведать дорогу, а потом возвращаться. Так будет быстрее.

Он открыл глаза, внимательно посмотрел на меня и кивнул. От лихорадки его глаза блестели и казались почти чёрными, хотя утром я рассмотрела их более подробно... во всяком случае, цвет глаз у него карие. Интересное сочетание:

сам почти блондин, а глаза тёмные.

– Эй, не отключайся, – я слегка потрепала его за обнаженное плечо, увидев, что он снова теряет сознание. Рыцарь открыл глаза и уставился на меня. – Ты не знаешь, что это? – я вытащила жезл и поднесла его к лицу Артура.

– По-портал, – выдавил он из себя. Затем глубоко вздохнул и продолжил еле слышно. – Нужно повернуть наверх, один раз – он переместит в то место, к которому привязан, два раза – в то место, откуда переместились. – Выдав эту столь длинную для его ослабевшего организма фразу, рыцарь все-таки отключился.

Портал, значит. Ну и откуда он в этом овраге? Я разглядывала жезл с любопытством. Вот оно – первое доказательство того, что в этой реальности присутствует магия. Наверх было простым шарообразным. Никаких орнаментов, рун и голов экзотических животных, просто шар.

Решив устроиться хоть немного удобнее, я облокотилась на рыцаря и вертела жезл в руках. Затем решительно взялась за шар. Может, там, где бы ни находилось место привязки портала, мы встретим людей – хоть какая-то надежда на помощь. В глазах на мгновение потемнело, внутренности очень неприятно сжало, появилось ощущение, что меня протягивают через дыру, которая гораздо уже, чем я, и для того, чтобы я пролезла, меня вытягивают как на дыбе, и в следующее мгновение мы оказались во дворе какого-то строения.

То, что строение покинули давным-давно, было видно

очень отчётливо. Разрушения, причиненные камню временем, указывали на то, что покинули его несколько сотен лет назад. Приехали, что говорится.

В это время рыцарь захрипел, и я спиной почувствовала, что его сердце забилося в невероятном ритме, хотя из-за лихорадки, оно и так билось быстрее положенного. Я резко вскочила на ноги, как раз в тот момент, когда рыцарь распахнул глаза и... умер. Сердце его все еще продолжало биться, а вот дыхания не было, это я определила, когда упала перед ним на колени и принялась искать признаки жизни. Через пару секунд сердце, сделав последний судорожный рывок, замерло.

Рыцарь определенно был мертв, видимо тело, ослабленное кровопотерей, начинающимся сепсисом и бог знает, чем еще, не выдержало переноса. Странно, но когда я поняла, что случилось непоправимое, то резко успокоилась. Быстро отложив в сторону шлем, засунув в него жезл, я на секунду прикрыла глаза, и принялась реанимировать неподвижное тело, бормоча под нос заученные до автоматизма приемы:

– Тройной прием Сафара: запрокинуть голову, выдвинуть нижнюю челюсть и приоткрыть рот, – одновременно с бормотанием я выполняла все эти действия. – Проверить проходимость дыхательных путей, – уже не заботясь ни о какой заразе, я засунула палец в рот рыцаря и провела им там, затем, зажав его нос, накрыла его рот своим и сделала первый вдох.

Почувствовав, как поднялась и опустилась перебинтованная грудная клетка, я принялась делать непрямой массаж сердца, считая вслух: — Раз, два, три, четыре... — Время остановилось. Оно всегда останавливается во время реанимации, когда реаниматолог продолжает качать пациента, даже когда проходят все положенные сроки, отведенные для того, чтобы не допустить гибель мозга.

Тот, кто ни разу не делал этого, понятия не имеет насколько это трудно. Я давила и считала, прерываясь только для того, чтобы сделать очередной вдох в этой отвратительной пародии на поцелуй. Силы быстро заканчивались, и я уже чувствовала, что не могу как следует продавить грудину, чтобы дать толчок остановившемуся сердцу.

— Ну давай же, запускайся! — я остановилась, по моему лицу текли слезы.

Сердце никак не хотело реагировать на мои старания, мне просто не хватало сил. И тут меня осенило. Прекардиальный удар, конечно же. Как во сне я дрожащей левой рукой закрыла мечевидный отросток, и со всей силы резко ударила в центр грудины. Рыцарь громко выдохнул, моргнул, и его сердце забилось, быстро возвращая себе ритм, горящего в лихорадке тела. От облегчения я снова привалилась к его боку, скрывая градом катящиеся по щекам слезы. Через пару мгновений относительно взяв себя в руки, я задала вопрос:

— Артур, где мы?

Артур

Всё сливалось в моей голове. Уже очень скоро я перестал отделять явь от бреда. Промежутки просветления становились всё короче, и я, как ни старался, не мог задержаться в этих промежутках. Всей моей силы воли хватало только на то, чтобы не падать. Но даже этого мне не удалось.

Момент, когда я стал заваливаться на Гвиневру, я еще помню. В голове мелькнуло, что она слишком хрупкая – ей меня ни за что не удержать. Сколько я был без сознания, трудно сказать, но пришел в себя я в каком-то овраге.

Я лежал на листьях и был один. Никогда не думал, что одиночество может вызвать такую панику, что поднялась во мне. Все мои чувства кричали: «Она ушла. Зачем ей с тобой возиться? Она и так слишком много времени потратила на незнакомого человека».

Я был полностью солидарен с этими моими чувствами. Гвиневра явно не знала, кто я. Она спросила, как меня зовут – а ведь, если бы она узнала во мне герцога Фарли и помогала мне, рассчитывая на вознаграждение (видит Бог, я не поскупился бы на награду моей спасительнице), то Гвиневра знала бы, что меня зовут Артур. Но её вопрос сразу заставил меня поверить в человеческое бескорыстие.

Однако, похоже, всему есть предел, и, видимо, доброта тоже его имеет. Она ушла, оставив меня на куче прелых листьев в каком-то овраге. Если бы у меня были силы, я бы завыл.

Очень скоро я понял, что ошибался, Гвиневра вернулась

и объяснила, что уходила вперед, чтобы найти подъем, по которому мы сможем выползти из этой земляной ловушки. Чувство паники сменилось таким облегчением, что я снова едва не потерял сознание. Это нехорошо. Я – высокородный рыцарь, хоть и рожденный по другую сторону простыни, но мои родители не могут похвастаться низким происхождением. Я – воин, наконец. Я не могу испытывать такую зависимость от присутствия другого человека. Даже если это мой спаситель.

Она тем временем села рядом со мной, точнее, облокотилась на меня и принялась что-то рассматривать. Затем, повернувшись, Гвиневра просто сунула мне под нос персональный жезл переноса, двусторонний портал. Древняя вещь. Сейчас такие не делают. Где она его взяла? Собрав все свои силы в кулак, я рассказал ей всё, что знал про эти игрушки.

Перед тем как потерять сознание в очередной раз, я успел подумать, что она очень странная. У неё руки знатной дамы, не утруждающей себя тяжелым трудом, но вместе с тем она абсолютно невежественна и не знает, казалось бы, элементарных вещей.

Очнулся я от странных ощущений. Рывок, заставивший мою рану снова дать о себе знать просто адской болью, настолько сильной, что она вырвала меня из благословенного забытья, закончился темнотой. Похоже, я снова потерял сознание, но ощущения были странными, не похожими на мое прежнее беспамятство. А еще у меня очень болела грудь, но

не в том месте, где была рана, а посередине, словно меня лягнула лошадь.

Похоже, Гвиневра воспользовалась порталом. Я открыл глаза, пытаюсь определить, куда нас занесло. Судя по всему, это был храм какого-то древнего бога. Нам просто невероятно повезло, что мы оказались прямо во внутреннем дворе. Обычно такие места очень хорошо охраняются снаружи.

Прежде чем уйти, жрецы таких храмов позаботились о том, чтобы их святыни не подвергались разграблению. Попасть внутрь древних храмов до сих пор не мог никто. Может, нам повезет, и мы найдём какой-нибудь артефакт, отвечающий за исцеление? От созерцания уже начавших разрушаться камней главного здания меня отвлек хриплый голос Гвиневры:

– Артур, где мы? – она что, плакала?

Я не видел ее лица, она сидела ко мне спиной, и ответить ей я не мог, потому что меня захлестнула очередная волна жара, и я, застонав от злости, вызванной беспомощностью, вновь потерял сознание.

Ольга

Похоже, мой рыцарь отрубился теперь уже надолго, если не навсегда. Второй реанимации ни он, ни я уже не выдержим. Эта мысль заставила меня вскочить и беспорядочно заметаться по двору. У него сепсис, он умирает, а я не могу постоянно возвращать его к жизни. Очень скоро его мозг прекратит функционировать, и что тогда?

Эта мысль заставила меня прийти в ужас. Остаться в этой реальности совсем одной? Даже без рыцаря, который просто родным за эти сутки для меня стал. Ну, должно же что-нибудь быть. Просто не может не быть, это было бы на редкость подло со стороны местного божества. Наконец, я увидела довольно неприметную дверь в одной из стен. Подскочив к ней, я схватила ручку в виде тяжёлого кольца и потянула на себя, молясь, чтобы время не заблокировало дверь намертво. Она открылась на удивление легко, даже не скрипнув.

Ворвавшись внутрь, я попала в просторное помещение, напоминающее одновременно келью монаха и кабинет бизнесмена средней руки. Какой-то топчан у стены, скорее всего заменяющий кому-то кровать, и большой письменный стол – вот и вся обстановка. Подскочив к столу, я увидела, что у него есть ящик, который открылся так же легко, как и до этого – дверь. Ящик был практически пуст. Какой-то свиток, какой-то браслет – вот и все, что в нем было. Захотелось заплакать от безнадёжности. У меня опустились руки. Что ты хотела здесь найти, дура? Аптечку, наполненную антибиотиками, бутылками с растворами для снятия интоксикации и полностью заряженный дефибриллятор, чтобы не ждать в очередной раз остановки сердца?

Я машинально развернула свиток. И принялась бездумно читать. Точнее, прочитать удалось мне только одну строчку – самую верхнюю. Остальное было написано какими-то символами, напоминающими древнескандинавские руны.

Когда я прочитала понятную надпись в третий раз, до меня начал доходить её смысл. «Исцеление малое. Свиток приготовил маг первой ступени Регровур». Мозг зацепился за слово «исцеление». Ну и что, что малое? Нам главное, чтобы сепсис ушел, а там как-нибудь до мага, такого вот «первой ступени», доберемся, ну или больничку найдем с приличным реанимационным отделением, угу в средневековье.

В очередной раз, напомнив себе, что в этой реальности есть маги и магия, и что хоть на дворе средневековье, и лечат здесь наверняка не только на костре, я выскочила на улицу.

В руках я продолжала держать браслет. Невзрачный, но, как я решила для себя раньше, в нашем скудном хозяйстве пригодится всё. Продадим, в крайнем случае. Чтобы браслет не мешался, я надела его на запястье – оно подошло просто идеально, мне даже показалось, что оно слегка сжалось, чтобы плотно обхватить мою руку.

Подскочив к рыцарю, я упала перед ним на колени. Ступни горели. Все-таки весь двор был засыпан осколками камней, а это не мягкая земля леса. А ведь даже в лесу босиком было передвигаться достаточно трудно, сейчас же я чувствовала себя русалочкой.

Нервно хихикнув от этой очередной глупости, пришедшей мне в голову, я начала трясти Артура. Мне было не до сантиментов. Сейчас уже все равно, что я причиняю ему боль. Он должен хоть ненадолго прийти в себя, чтобы сказать мне как эта штука работает. Наконец, мои усилия увенча-

лись успехом. Глухо застонав, рыцарь открыл глаза. Он меня не видел, взгляд был затуманенным. Его губы шевелились, он что-то шептал. Я еще раз встряхнула его и, нагнувшись к уху, как можно внятнее проговорила.

– Свиток. Артур, помоги нам. Волшебный свиток малого исцеления, как его активировать?

На долю секунды его взгляд стал осмысленным, и он прошептал (мне пришлось наклониться прямо его губам, чтобы расслышать):

– Порвать. Свиток нужно порвать.

Порвать, угу. Понятно, что рвать он сам должен. Мне пока исцеление не нужно, даже малое. И как это сделать?

Я села и подтащила тело рыцаря к себе так, чтобы он полу- сидел, опираясь спиной на мою грудь. Обняв Артура, я под- няла его руки и с трудом всунула свиток ему в ладонь. Мне пришлось рвать его самой, просто удерживая в руках руки Артура, сжав его кисти, заставляя тем самым зажать свиток в кулаках. Надо сказать, это было нелёгким делом, так как мои ручки просто не могли сравниться с его лопатами. Это же не мужчина двадцать первого века, интеллигентной про- фессии и непонятной ориентации. Артур – воин. Интересно, какой у него был меч?

Снова удивившись несвоевременности подобных мыслей, я сильно дёрнула, разведя руки рыцаря в стороны. Свиток порвался с каким-то странным треском, мне на секунду по- казалось, что в центре разрыва образовалась воронка мини-

аторного смерча, но этот глюк быстро развеялся. Вначале ничего не происходило, а затем Артура окутала золотистая дымка, зацепив краем мои руки, все ещё держащие руки рыцаря.

Браслет, который я зачем-то надела, вдруг резко нагрелся, и запястье пронзила боль, длящаяся около пары секунд. Когда боль прошла, я проморгалась и уставилась на свою руку. Браслета не было, а с запястья быстро исчезал след, похожий на ожог. Минута – и кожа снова гладкая. Это что еще за хрень?!

Но от размышлений меня отвлек рыцарь, который вздохнул. Да-да, он не застонал, а глубоко вздохнул и засопел, попытавшись устроиться на мне поудобней. Обморок перешел в глубокий сон. Я всхлипнула от нахлынувшего на меня облегчения.

Решив, что ночевать мы, скорее всего, останемся здесь, я выбралась из-под Артура, чтобы отправиться на поиски воды и чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве топлива. В шлеме рыцаря, про который я благополучно забыла, находились костяные наросты местного хищника и немного мяса этого же зверя, так что от голода мы не умрем.

Когда я поднялась, то до меня дошло, что мы находимся сейчас во дворе здания и нужно только найти подходящую комнату, в которой есть очаг – или что тут заменяет очаг? – и перетащить туда рыцаря. А вода должна быть в колодце, потому что каждый уважающий себя замок имел колодцы во

внутреннем дворе. Оставалось только надеяться, что колодец конкретно в этом замке не пересох.

Подходящая комната нашлась сразу за той, в которой так удачно валялся свиток малого исцеления, хотя, думаю, что это все-таки помощь божка. Жлобьяра, не мог какое-нибудь большое исцеление подбросить?

Похоже, все комнаты этого странного здания были проходными и связанными между собой. В этой комнате находился ещё один топчан, только шире раза в два. Ещё один стол и что-то напоминающее камин из моей реальности. В камине были аккуратно сложены дрова. Они запылали сразу, как только я поднесла к ним зажигалку. Пламя было ровное. Ни дыма, ни чада – только свет и тепло.

Присмотревшись, я увидела, что дрова не горят, а так и продолжают лежать аккуратной стопкой. Решив, что это очередное проявление магии, я, просто пожав плечами, отправилась за рыцарем. Просыпаться он не хотел, но мне удалось поднять его на ноги, и оттащить вот в таком вот сомнабулическом виде в комнату с несгораемыми дровами и топчаном. Сгрузив своё, оказавшееся таким непростым, задание на импровизированную постель, я села рядом.

Тяжело вздохнув, я поднесла руку к глазам. Так и есть, рука дрожала. Давненько я так много не работала физически. Хотя, кого ты обманываешь, Олька, – ты никогда так не работала. Вытряхнув содержимое шлема на стол, я решила, что потом займусь его обследованием, и вышла во двор.

Мне опять повезло. Колодец присутствовал и был заполнен почти доверху. Попробовав чистую, сводящую зубы холодом воду, я засмеялась. Вот так привыкну, и все непонятные вещи буду объяснять магией. Колодец, скорее всего, питает какой-то подземный источник — вот и всё волшебство.

Набрав воду в шлем, я отнесла его в комнату, подвесив над огнем в камине на специальный выдвижной крюк. Опустившись прямо на пол, я некоторое время задумчиво смотрела на огонь. Мыслей не было никаких. Просто вселенская пустота. Вдруг сильно, до звёздочек в глазах захотелось курить. Я нечасто это себе позволяю, но иногда на меня накатывает. Вытащив из Димкиной сумки пачку, я вытряхнула из неё сигарету и долго вертела в руках. А затем сжала, разламывая, и бросила в очаг. Туда же полетела вся пачка. Нечего привыкать к плохому. После чего вышла из комнаты, предварительно убедившись, что с рыцарем все нормально.

Вышла я с совершенно определённой целью. У нас нет ничего, а вот в этом замке, возможно, что-то есть. Хотя бы какие-нибудь ботинки для меня, да рубаха для рыцаря. А раз так, то нужно попробовать всё это отыскать. В общем, я пошла заниматься мародёрством.

Глава 4

Артур

Я проснулся и некоторое время лежал с закрытыми глазами, тихо радуясь тому, что я именно проснулся, а не очнулся в лихорадочном бреду. События, которые предшествовали моему пробуждению, вспоминались плохо. Практически совсем не вспоминались, если быть честным хотя бы с самим собой.

Последним, что я смутно помнил, был какой-то овраг и чувство беспомощности и беспокойства от осознания того, что моя странная спутница меня бросила. А ещё в голове мелькали образы древнего храма и отдаленный отголосок затягивающей меня пустоты, а также острой боли в груди, которая не была связана с моим ранением.

Постепенно возвращалась чувствительность. Тянущая боль в груди и ощущение, что я лежу на чем-то твёрдом. Возвращение чувствительности сопровождалось усилением боли в затекших конечностях. Безумно хотелось потянуться, но осознание того, что интенсивные движения могут снова разбередить рану, остановило меня от этих опрометчивых поступков.

Несмотря на то, что я не был рожден в законном браке, воспитывали меня как принца крови, а это значило, что мне

частенько приходилось наступать на горло своим желаниям и поступать тем или иным образом только из соображений целесообразности. Я мог бы так лежать еще очень долго, но так делать не стоило. Решив, что пора бы уже выяснить, где нахожусь, я приоткрыл глаза.

Небольшая темная комната, освещённая только огнём в разожжённом камине. Стол посредине, на столе беспорядочно свалены в кучу какие-то вещи – что именно это были за вещи, я не мог разглядеть, слишком мало света.

Скрипнула дверь. Шагов слышно не было, но в то же время я ощутил, что нахожусь в комнате уже не один. В силуэте подошедшего к столу человека я узнал Гвиневру. Тут только я обратил внимание на то, что она не обута, не принимать же странные уже порванные тряпки на её ногах за обувь. Понятно теперь, почему её шагов не слышно, так же понятно и то, почему мы так медленно передвигались по лесу, ей было неудобно идти почти босиком, да еще и меня на себе тащить. Что с ней случилось, из-за чего она находится в таком бедственном положении?

Она свалила на стол еще какие-то вещи и только тогда обернулась ко мне.

– Привет, ты проснулся? Выглядишь лучше. По крайней мере, на труп ты больше не похож.

– Где мы? – говорить внятно получалось не слишком хорошо, но, по крайней мере, мысли больше не путались.

– Понятия не имею. Это я у тебя хотела спросить. Кстати,

что такое «Свиток малого исцеления»?

– Лечебный артефакт. Так значит, я им воспользовался?

– Ну-у-у... как тебе сказать, – протянула она, – это я им воспользовалась, вложив тебе в руки. И не думай, что сделать это было легко. Как он действует?

– Он убирает причины, которые могут привести к немедленной смерти.

Откуда она? Почему она спрашивает меня о таких элементарных вещах?

– Понятно, зря, значит, обрадовалась. Тебя только от сепсиса вылечили, но и то хлеб. Сейчас ночь, утром вернемся в овраг и постараемся до людей добраться. Ты сможешь вылезти?

– Не знаю, я постараюсь. Правда, ничего обещать не могу.

Надеюсь, что смогу двигаться и не доставлять ей больших неудобств, но если на нас нападут, то боюсь, что ничего не смогу предпринять. Вряд ли я в состоянии сейчас меч поднять, да и нет его у меня. Самое главное, не забыть у неё уточнить, что такое сепсис, хотя, скорее всего, она таким чудным словом раневую лихорадку называет.

– Ты, главное, постарайся.

– Гвиневра, я... мне нужно... – я замялся, мне нужно было облегчиться, но просить её ещё раз помочь мне в этом деле, было выше моих сил. Внимательно посмотрев на меня, она кивнула, показав, что поняла причину моего замешательства.

– Выйдешь через вот эту дверь, пройдешь через следующую комнатку и выйдешь на улицу. Давай, попробуй сделать это сам, заодно и посмотрим, сможешь ли ты вообще ходить. Да, поосторожней там. К стенам близко не подходи, что-то как-то мне дискомфортно возле них, – и она поёжилась.

Я встал со своего ложа с трудом и только с третьей попытки. Меня ощутимо шатало. Чтобы не упасть, пришлось опираться на стену. Путь на улицу занял довольно много времени, и когда я всё же там оказался, то уже скрипел зубами от еле сдерживаемой ярости. Довольно сложно было смириться с тем, что моё сильное тело одного из лучших мечников двора практически не слушается меня. Проклятый Бэртхем!

Справив свои естественные потребности, я осторожно осмотрелся. Развалины древнего храма мне не привиделись в бреду, как казалось ранее. От наружных стен веяло такой жутью, что у меня на мгновение закружилась голова. Эти места, покинутые несколько тысяч лет назад, до сих пор оставались неприкосновенными из-за наложенных на стены последними жрецами защитных чар.

Нужно было убираться отсюда. Неизвестно, что можно было ожидать от этих древних стен.

Повернувшись по направлению к двери, я побрел в комнату, где меня ждала Гвиневра.

Она стояла, прислонившись к косяку двери. До комнаты она мне дойти не помогала. Просто внимательно наблюдала, как я шёл, опираясь на стену, на стол и снова на стену.

Когда я добрался до своего ложа и просто рухнул на него, Гвиневра подошла к столу, на котором были свалены вещи и начала их перебирать, одновременно обращаясь ко мне. Говорить с её спиной было неудобно, но выбора у меня не было. Я поморщился: мало того, что она была невежественна во многих вопросах, так еще и абсолютно невоспитана. С другой стороны, речь ее была правильной, совершенно не похожей на говор крестьян, но в ней постоянно проскальзывали непонятные мне словечки. Я в очередной раз задумался о том, кто она такая?

– Ты осмотрелся? Не узнал местность?

– Это храм какого-то древнего бога, какого, точно не скажу, я древний пантеон очень плохо знаю, никогда им не интересовался.

– А, древнего значит? А сейчас у вас сколько богов?

– Один. Согласно легендам, однажды, тысячи лет назад состоялась битва богов, и выжил только один.

– Печально. Я даже могу предположить, почему именно этот бог выжил. Ему было просто лень на войну идти, он забил на апокалипсис, вот и выжил.

Я нахмурился. Не то чтобы я был слишком религиозным, но то, как Гвиневра говорила о высшем существе, заставило меня усомниться в её здравом рассудке. Что, кстати, объясняло все её странности. Она тем временем вытащила что-то из кучи и, подойдя к ложу, села на край. В руках она держала две пары обуви. Кожаные практичные ботинки и изящные

эльфийские сапожки на высоком каблуке.

– Вот что мне лучше надеть? И то и другое вроде подходит по размеру.

– Нам идти через лес, к тому же необходимо сначала выбраться из оврага, – я старался думать практично и дать разумный совет, раз он ей требовался.

– Значит ботинки, – Гвиневра ещё раз внимательно посмотрела на вторую пару, – но они же такие красивые, – вдруг сказала она жалобно.

– Мы не можем взять с собой ничего лишнего, нам бы самим выбраться, – я попытался достучаться до её разума.

– Знаешь, у той, другой Гвиневры тоже была проблема с выбором, – задумчиво произнесла женщина. Затем показала головой и принялась обувать ботинки на ноги. Встав и немного походив по комнате, дав ногам привыкнуть, она снова подошла к столу.

– Где ты это всё взяла? – мне действительно было любопытно.

– По комнатам пробежалась, – пожав плечами, ответила Гвиневра. – Здесь нашлось довольно много чего любопытного. Вот, например, – и она кинула мне рубаху, сшитую из довольно грубого материала. Затем, видимо осознав, что я не в состоянии сейчас сам одеться, она подошла ко мне и помогла в этом таком простом и одновременно таком сложном для меня деле.

Одевшись, я снова откинулся на свое ложе, а женщина

вернулась к столу.

– Так здесь ещё есть меч, вот он, – и она показала мне просто невероятной красоты клинок. Небольшое листовидное лезвие, сделанное из какого-то неизвестного мне материала, просто завораживало. – Вот ножны, они, скорее всего, не от него, но хотя бы подошли. Пояс, на эту петлю, скорее всего, меч цепляется, – Гвиневра продолжала разбирать вещи, негромко комментируя свои действия. – Его тебе нужно будет взять. Я во всём этом не разбираюсь, но думаю, что пригодится. По крайней мере, пока ты свой не вернёшь, или что-то в этом роде. Так, вот это я, пожалуй, сама надену, – и она просто сняла с себя тряпку, заменяющую ей рубаху и надела тонкую тунику, которую зачем-то заправила в эти свои ужасные штаны, а сверху накинула куртку, явно вышедшую из рук эльфийского мастера. Пока она переодевалась, я мучительно думал о том, насколько же она не воспринимает меня как мужчину, если вытворяет подобное. – Вот, пожалуй, и всё, что мне удалось найти. Я не заходила слишком далеко. Здесь, скорее всего, ловушек разных полно. Так что сапожки я возьму с собой. Ах да, вот. Этот перстень, вроде золотой, но он явно мужской. Если нам наростов не хватит, чтобы твоё лечение оплатить, то мы его сможем продать. Артур, перстень все-таки небольшой предмет, давай мы его тебе на палец наденем, чтобы не потерять? Я его уже пробова-ла на себя натянуть, но он слишком большой по размеру, и просто сваливается со всех пальцев. Ты не против? – я по-

мотал головой. Сумасшедшая. В таких местах нельзя ничего просто так пытаться на себя надевать, это вполне могут быть артефакты и последствия такой явной глупости трудно оценить. Но она уже проверила, так сказать, перстень, а, чтобы добраться до моего дома, нам действительно понадобятся деньги.

Женщина подошла ко мне и надела перстень на средний палец левой руки.

– Ты вроде правша, он тебе не будет мешать, – пояснила она свои действия.

Кольцо оказалось впору. Я рассмотрел довольно необычный рисунок. На тёмной поверхности квадратного камня, вставленного в оправу, был выгравирован меч в окружении завихрений воздуха. Станный рисунок, никогда не встречал подобных символов. Я все же еще не совсем полноценно соображал, чтобы сообщить ей, что я леворукий, и перстень как раз может мне помешать. Но... Я сжал и разжал кулак, перстень сел как влитой: он нигде не передавливал палец, и не имел острых углов и граней, чтобы причинять какие-либо неудобства.

Гвиневра между тем прилегла рядом со мной.

– Давай немного поспим и отправимся штурмовать овраг, – зевнув, пробормотала она.

– Хорошо, только вначале ответь мне на пару вопросов: кто ты? И что ты делала в лесу в таком виде?

Ольга

Дрёма сразу же слетела с меня, когда Артур задал свой вопрос, такой простой и в то же время такой сложный. Я повернулась на бок, лицом к рыцарю, чтобы видеть его лицо. Что-то придумывать я не собиралась. Зачем мне это? Он был единственным человеком в этой реальности, с которым я была знакома, а ведь я абсолютно ничего не знаю об этих местах.

Частенько я и так ловила на себе удивленный взгляд рыцаря, когда задавала ему очередной вопрос. Так что, когда придёт пора нам расходиться в разные стороны, мне придётся справляться самой. В лучшем случае меня могут принять за сумасшедшую, в худшем же... Надеюсь у них тут костры все же не практикуются.

Поэтому я решила рассказать ему правду. Пусть просвещает меня в мироустройстве. Должна же я с него хоть что-то получить в качестве компенсации за оказанные услуги. Нервно хихикнув, я начала отвечать.

– Начну я, пожалуй, со второго вопроса. В лесу я искала тебя, потому что заключила сделку с этим вашим божеством, которое в единственном экземпляре осталось, так что я почти точно знаю, почему именно он остался последним героем. Со своей стороны, я обещала, что помогу тебе добраться до ближайшего мага. Ну, а почему я в таком виде была, это тебе лучше у него самого спросить. По-моему, он просто напрягаться не захотел, чтобы меня во что-нибудь более приличное одеть, вот и всё, – я не сказал ему, что он перенес

клиническую смерть. И, пожалуй, никогда не скажу. Зачем ему знать такие подробности? Тем более, они не выходят за рамки моего договора.

На минуту рыцарь завис, уставившись на меня, затем осторожно решил уточнить.

– То есть как сделку? Сделку с богом? И, согласно ей, ты должна мне помогать?

– Нет-нет, не преувеличивай, – я вовремя остановила поток его фантазий насчет того, как еще меня можно использовать. – Я не обязана тебе помогать во всём, я должна помочь тебе добраться до мага. Живым. Вот для этого я должна приложить все усилия. Но на этом моя часть сделки будет считаться выполненной.

– И что тебе пообещали взамен?

Ребенка. Этот ваш божок пообещал мне сына, но к тебе, мой рыцарь, это вообще никаким боком не относится.

– Не важно. Тебя это не касается, – я захотела повернуться, но рыцарь неожиданно сильно обхватил меня за талию, не позволяя этого сделать.

– Кто ты? И почему я должен тебе верить?

– Я из другой реальности, – мой голос звучал глухо, – так, во всяком случае, ваш бог сказал. Там, у себя, я умерла. Э... несчастный случай, – почему-то я не захотела ему сказать, что покончила с собой. – Он меня вытащил к себе и предложил сделку, вот и всё. А веришь ты мне или нет, мне плевать, это твоё дело.

– Я считаю, что ты сумасшедшая, – довольно уверенно проговорил рыцарь. – Но даже сумасшедшие не носят одежду из материала, который мне не знаком, и они точно знают, как действуют магические свитки. Так что я вынужден поверить. К тому же ты меня не узнала, а это тоже о многом говорит, – в его голосе прозвучала такая надменная самоуверенность, что я расхохоталась. Артур нахмурился, а я сквозь смех пояснила, что же меня так рассмешило.

– Так значит, ты считаешь, что тебя все должны узнавать и падать ниц при твоём появлении? Уверяю тебя, когда мы доберемся до обитаемых мест, тебя абсолютно никто не узнает, вообще никто. Ну, может быть, кроме личностей в чьи обязанности входит всех подобных тебе узнавать. Вот если бы ты был во всей своей красе на своём белом коне, и со свитой, с развернутым штандартом, тогда да. А так... Ещё спасибо скажешь, если тебя за простого бродягу не примут. И не хмурься. Простым людям по большому счету наплевать, как выглядят власть имущие. Поверь, того же твоего коня знают лучше, чем тебя самого, и опознают тебя, скорее всего, по нему. Скажут: «О, вон глядите, конь герцога как-там-тебя, значит, на нем этот самый герцог и скачет». Простым людям, что нужно вообще? Им нужно, чтобы их защищали от разного разбойного элемента, по возможности лечили, давали нормально работать и не задалбывали налогами. А на всех вас, рыцарей, им глубоко наплевать. Они короля-то вашего только по чеканке на монетах, скорее всего, узнают, –

я выдохлась, а рыцарь, отпустив меня, задумчиво разглядывал потолок, не переставая хмуриться. Я проследила за его взглядом. Ничего особенного: потолок как потолок, даже без трещин.

– Откуда ты знаешь, что нужно простым людям, и как именно они рассуждают? – спросил он довольно резко.

– Да потому что я сама «из низов», и мне всегда было абсолютно до звезды, кто у нас сейчас президент. Я ни одного не выбирала. Лишь бы зарплату вовремя платил, да цены держал, чтобы не росли.

– Ты лжёшь, – в голосе рыцаря прозвучала уверенность, – ты правильно говоришь, держишься с достоинством, твои руки не знали тяжёлой работы, это называется аристократизм.

– Это называется высшее образование. Я не для того училась столько лет, чтобы в итоге вагоны разгружать, – кажется, меня уже несло, и я отчетливо видела, что он не понимает и половины из того, что я ему говорю, но не переспрашивает, гордый. – Я врач. Целитель, по-вашему. Только не маг. У нас, в моей реальности, магия существует только в книжках.

– И как вы справляетесь?

– Да вот как-то справляемся, – я устало откинулась на спину.

Несколько минут мы лежали в молчании, затем рыцарь начал сбивчиво говорить, словно боялся упустить какую-то мысль.

– Если все, что ты говоришь с такой уверенностью, правда, если меня действительно не будут узнавать... Гвиневра, эм, можно я тебя Гвен буду называть? – дождавшись моего кивка, он продолжил. – Я хочу предложить тебе другую сделку. Мне сейчас возвращаться не с руки. К тому же это уникальная возможность рассмотреть жизнь в стране не со спины моего коня, которого лучше меня знают, и, кстати, он не белый, а вороной, – он хмыкнул. – Пока меня считают мёртвым, я хочу узнать, как и чем живет народ, которым я хочу в итоге править. Потому что, если мне всё удастся, то я хочу стать приличным королём.

– Ух, ты. Так ты что же это – высочество? – я удивленно посмотрела на рыцаря.

– Это сейчас не важно. Официально – я мертвец. Мои титулы и мои земли будут оставаться моими ещё в течение года. В нашей, как ты говоришь, реальности, магия существует, поэтому всегда возможны варианты. Мои вассалы будут мне верны также в течение года, пока меня не объявят окончательно мертвым, так что время у меня есть.

– А от меня-то тебе что нужно? – я продолжала с удивлением рассматривать его.

– Ты будешь меня сопровождать. Одинокий мужчина может вызвать подозрение. А вот, например, семейная пара, у которой, эм, дом сгорел, и которая ищет себе место, где сможет остановиться, это, я думаю, вполне подойдет.

– Ты псих, – протянула я. – А почему в таком случае эта

семейная пара не стала отстраиваться заново на пепелище?

– Так это был поджог, – рыцарь перевернулся на бок, скрипнув при этом зубами от боли, но глаза его горели просто каким-то нездоровым энтузиазмом. – С соседями не сжились, бывает. Ну же, решайся. Я ведь понимаю, что тебе нужно о моей реальности побольше узнать, о традициях, культуре. Я буду тебя учить, все непонятные моменты ты сможешь всегда уточнить у меня, – сейчас он выглядел не как рыцарь, а как торговец, пытающийся втюхать мне заплесневелый сыр, уверяя, что это новый вид рокфора. Почему-то мне показалось, что вся эта авантюра может нехорошо закончиться, что это опасно, в конце концов. – Я со своей стороны, после того, как наше небольшое путешествие закончится, помогу тебе устроиться в этой жизни. Если захочешь, останешься при дворе, я тебе какой-нибудь титул с деревушкой дам. Если не захочешь, с деньгами помогу, – ну точно, он пытается меня во что-то смертельно опасное втравить, если таким соловьём заливается.

– Нет, ты не псих, ты ненормальный авантюрист. Как это тебе вообще в голову пришло, за какие-то пять минут разглядывания потолка?

– Если ты имеешь в виду время, потраченное мною на раздумье, то нужно говорить – пять тактов. Час состоит из семидесяти тактов. В сутках – двадцать семь часов, – рыцарь, не дождавшись моего согласия, начал выполнять свою часть сделки, а именно – учить меня ориентироваться в своей ре-

альности.

В общем-то, я уже подозревала, что местные сутки длиннее наших. Неудивительно, что ночь мне такой длинной показалась. Странно, отличались только понятия минут, а все остальное совпадало.

Затем мои мысли вернулись к предложению Артура. В любом случае, что я теряю? Ну, поболтаюсь с Артуром по стране, все узнаю, потом вытребую с него деревушку и стану Салтычихой. Чем плох такой сценарий развития событий? Да ничем.

Однако что-то молчание затянулось. Я взглянула на рыцаря. Артур не сводил с меня напряжённого взгляда. В общем, он хорошо придумал. Если есть хоть какая-то минимальная возможность для него быть узнанным, то наличие под боком чучела в виде меня, да ещё и женой названного, маскирует его лучше, чем все чары, которые только могут на него местные маги навесить.

Ох, и жалеть же его будут. Только вот ему моя маленькая месть, за такое невольное унижение. Хрен он с кем-то переспит. У него не просто страшенькая жена будет, она ещё и ревливой мегерой окажется. Я невольно улыбнулась своим мыслям, и, представляя настроение рыцаря от вынужденного celibата, кивнула головой.

– Ну, хорошо. Ладно. Я согласна. Только давай уже немного поспим, прежде чем в путь пускаться, нам ещё нужно будет из леса выйти и мага найти, который тебя вылечит.

Артур облегченно выдохнул и послушно закрыл глаза. Пару минут, то есть тактов, я, молча, разглядывала стену, а затем последовала его примеру и задремала.

Глава 5

Артур

Я проснулся первым. Всё-таки Гвен очень устала, пытаюсь вернуть меня в мир живых. Некоторое время я не мог понять, где нахожусь, затем, стряхнув с себя остатки сна, покоился на лежащую рядом женщину. Она спала, отодвинувшись к самому краю нашего ложа и свернувшись в клубок. Я осторожно спустился с этой такой жесткой кровати, на которой когда-то давно древний жрец практиковал свою стойкость, стараясь не потревожить Гвен. Моё пристальное внимание было приковано к столу, на котором лежал меч. Вынув его из ножен, я крутанул кистью.

Грудную клетку пронзила такая боль, что я не сдержался и еле слышно застонал. И тут же услышал:

– Ты совсем больной? У тебя стрела в легком была, как она в сердце не попала – вот что удивительно. Ты что, хочешь испохабить своими упражнениями мою уникальную для этой реальности окклюзионную повязку? Подожди, когда тебя подлечат, потом и будешь навыки владения холодным оружием вспоминать.

Я не обратил на неё никакого внимания. Женщине не понять таких нюансов. Если на нас вдруг нападут, то уже будет не важно, ранен я или нет. Мне придётся приложить все

свои силы, чтобы отбиться и защититься, прежде всего, её. А для этого мне нужно будет хотя бы привыкнуть к мечу, к его балансу, к рукояти, к расстоянию до гарды.

Он какой-то очень лёгкий, непривычный. А на лезвии возле гарды выгравирован точно такой же знак, что и на перстне. Я ещё раз внимательно рассмотрел гравировку на камне печати: меч и очень тщательно прорисованные завихрения воздуха. Никогда не видел ничего подобного. Интересно, что же означает этот знак.

Я попробовал снять перстень, чтобы разглядеть знак поближе: не тут-то было! Перстень даже не пошевелился. Странно, вчера он был впору и легко снимался, я специально несколько раз его стаскивал и снова надевал, чтобы убедиться, а сейчас я могу его только повернуть. И в то же время никакого дискомфорта от того, что он передавил палец, я не ощущал. Более того, я вспомнил о перстне только когда разглядел клеймо на клинке, настолько он был неощутим.

Всё-таки артефакт. Все демоны бездны! Ладно, что это за артефакт, мне сможет сказать маг, нужно только побыстрее до него добраться. А вот продать колечко не получится – разве если только вместе с пальцем. А кто сказал, что я готов пожертвовать частью своего тела для оплаты чего бы то ни было?

На столе, кроме меча, лежало хорошо запеченное мясо, завернутое в листья лопуха. В шлеме, стоящем возле огня, находилась вода, которую Гвен вчера тщательно прокипятил.

ла. Нужно позавтракать и выбираться отсюда – что я и предложил сделать своей спутнице.

Она всё ещё лежала на нашей импровизированной (все-таки невероятно жёсткой!) постели. После моего предложения Гвен со вздохом поднялась и подошла ко мне. Посмотрев на куски мяса, женщина скривилась, но взяла один и принялась жевать.

– Всё-таки это редкостная гадость, – наконец произнесла она, когда мы закончили есть.

Утолив жажду из моего многострадального шлема, мы принялись собираться. Остатки воды Гвен выплеснула в камин. Зачарованные дрова сразу же перестали поддерживать огонь, и комната погрузилась в полумрак. Сложив в шлем сапожки и костяные наросты богара, она помогла мне укрепить пояс с мечом на положенном им месте и взяла в руки жезл перемещения.

Два поворот наверх, несколько тактов просто отвратительных ощущений – и вот мы оказались в куче какой-то прошлогодней листвы. Судя по всему, это и был злополучный овраг, из которого нам придётся как-то выбираться. Почувствовав пристальный взгляд моей спутницы, я повернулся к ней. Она внимательно осматривала меня, и даже протянула руку к моей шее. Приложив к шее пальцы, она стояла так несколько тактов, затем убрала руку и, кивнув чему-то, известному только ей самой, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.